

Е. М. Болдырева

**«Генетическое досье» романа И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева»:
формирование автобиографической поэтики в мемориальном авантексте**

В статье рассматривается генезис автобиографической поэтики И. Бунина и предлагается автобиографическая реинтерпретация творчества Бунина сквозь призму романа «Жизнь Арсеньева», основанная на «перечитывании» предшествующих произведений как «генетического досье» романа, где формируется авторская концепция памяти и принципы автобиографического письма.

Ключевые слова: автобиографический роман, автобиографический метатекст, автобиографическое письмо, генезис автобиографической поэтики, мемориальный авантекст, генетическая критика, автобиографическая реинтерпретация, автобиографема, автобиографический претекст, мемориальная концептуализация, Homo memot, память.

Е. М. Boldyreva

**"The Genetic Dossier" of I. A. Bunin's novel "Arseniev's Life":
Formation of Autobiographical Poetics in the Memorial Avantext**

The article deals with the problem of genesis of I. Bunin's poetics and the author offers autobiographical reinterpretation of I. Bunin's works through the prism of his novel "Arseniev's Life". It is based on "rereading" of Bunin's earlier works as "the genetic dossier" of the novel in which the author's concept of memory and his principles of autobiographical writing are formed.

Keywords: an autobiographical novel, autobiographical metatext, an autobiographical letter, genesis of autobiographical poetics, a memorial avantext, genetic criticism, autobiographical reinterpretation, autobiographeme, autobiographical pretext, memorial conceptualisation, Homo memot, memory.

«Я знаю, что мне столько-то лет. Но ведь мне сказали это, то, что я родился в таком-то году, в такой-то день и час: иначе я не знал бы не только дня своего рождения, а следовательно, и счета моих лет, но даже и того, что я существую по причине рождения» [2, с. 437]; «Моя память так бессильна, что я почти ничего не помню не только о своем младенчестве, но даже о детстве, отрочестве. А ведь существовал же я! И не только существовал, – думал, чувствовал, и так полно, так жадно, как никогда потом. Где же все это?» [1, с. 273]. На первый взгляд эти цитаты могут показаться заимствованными из романа «Жизнь Арсеньева», однако первая взята из рассказа «Ночь», а вторая – из рассказа «У истока дней». Сходство рассматриваемых проблем (память, собственное прошлое, осознание условности классической автобиографической логики) и стилистическая близость, несомненно, свидетельствует о типологическом сходстве предшествующего «Жизни Арсеньева» бунинского творчества с его автобиографическим романом. Мы предлагаем осмыслить эту взаимосвязь именно в аспекте генезиса автобиографической поэтики.

Предлагаемая нами автобиографическая реинтерпретация творчества Бунина сквозь призму «Жизни Арсеньева» основана на «перечитывании» «доарсеньевских» произведений как «генетического досье» романа, где формируется модель бунинского автобиографического авантекста. Понятия «генетическое досье» и «авантекст» взяты нами из теоретического арсенала современной генетической критики (Э. Луи, П.-М. де Биазы, А. Грезийон, Ж. Бельмен-Ноэль, Б. Бойе и др.), которая, интерпретируя писательские рукописи как некое «досье», проследивает сам процесс письма. Под авантекстом, вслед за Жаном Бельменом-Ноэлем, представителем школы генетической критики, мы понимаем «совокупность черновиков, рукописей, набросков и вариантов, рассматриваемых как материальные предшественники текста. Авантекст не есть свод рукописей, но выявление той логической системы, которая организует рукописи» [3, с. 283], как умозрительную конструкцию, созданную в результате препарирования этого досье для выявления процесса формирования смысла произведения. Именно в авантексте, по мнению генети-

ческой критики, с первых же строк появляются пред-цитаты, пред-аллюзии, пред-соответствия и складываются определенные жанровые модели, сюжетные и стилистические формулы, тематические блоки, которые будут с максимальной полнотой реализованы в каноническом тексте.

Таким образом, все предшествующее «Жизни Арсеньева» творчество Бунина может рассматриваться как «рукопись», «генетическое досье», в котором формируется авторская концепция памяти и принципы автобиографического письма. Не ставя задачей подробное и всестороннее рассмотрение эволюции творчества Бунина, охарактеризуем основные этапы становления его автобиографического метатекста, особое значение в котором приобретают точки *мемориальной концептуализации*, то есть синтеза ключевых автобиографем в рамках мемориальной парадигмы и формулирования важнейших принципов автобиографического дискурса Бунина в важнейших *автобиографических претекстах* («Антоновские яблоки» (1900), «У истока дней» (1906), «Суходол» (1911), «Сны Чанга» (1916) и «Ночь» (1925)). Каждый из них выполняет определенную функцию, «отрабатывает» (чтобы потом отбросить) определенную мнемоническую технологию и подготавливает таким образом тот «элизий памяти», который потом в своей незыблемой органической целостности предстанет в «Жизни Арсеньева». Именно там Бунин опробует различные модели повествования, мнемонические формулы («я вспоминаю», «я вижу», «вспоминается мне», «мне запомнилось» и, наконец, «помню»), мемориальные идентификации (воспоминание – отражение, воспоминание – сон, воспоминание – творчество, воспоминание – архив, воспоминание – письмо и т. д.), субъектов мнемонической деятельности, модели соотношения Ното тетог с реальностью, конфигурации автобиографем и авторефлексивные технологии как попытки проникнуть в тайны памяти, постигнуть ее законы, установить соотношение реальности воспоминающего и сознания.

Автобиографический комплекс начинает формироваться в лирике Бунина в 1888–1906 гг. в виде «точечных» автобиографем-деталей, становящихся опознавательными знаками бунинской лирики и образующих ее устойчивую формулу. Оговоримся, что под автобиографемой мы понимаем структурно-семантический компонент автобиографического текста, устойчивый, репродуцирующийся во множестве текстов автора элемент, манифестирующий одну из важнейших

составляющих и «состава души», автобиографического духовного комплекса, и художественного мира писателя. Критерием принадлежности того или иного элемента к «автобиографическому тексту» автора, иначе говоря, критерием позиционирования его как автобиографемы, является частотность повтора в разных текстах, связь с магистральной для автобиографического дискурса категорией памяти, корреляция с важнейшими темами творчества писателя, присутствие в финальном центоне – автобиографическом романе.

Таким образом, сначала в поэтическом творчестве Бунина образуется первичный автобиографический авантекст, представляющий собой дискретный комплекс значимых для писателя мотивов и образов, не приобретших еще статус символа, а возникающих как эмоциональные и вкусовые предпочтения лирического субъекта: блеск, ночное звездное небо – одинокая звезда, луна – месяц, тишина, ночь, заря, метель, дым, туман, курган в степи, море, гроза, поле, степь, заброшенность, запустение, сон, ветер и др., а также автобиографемы-эмоции (острое ощущение ярких синестетических образов и «оксюморонность»), автобиографемы-топосы (церковь, дорога), автобиографемы-события (любовь, смерть, охота и др.), некоторые автобиографемы-концепты: одиночество, музыка, тайна. Очевидно, что в ранней лирике Бунина эти автобиографемы не достигают той степени мемориальной концептуализации, как в «Жизни Арсеньева», не связываются с категорией памяти и не становятся еще устойчивыми символами.

Дальнейшая логика развертывания и эволюции автобиографического авантекста такова: каждая автобиографема, появившаяся и закрепившаяся в ранней лирике, получает более развернутый образ в ранних рассказах («Святые горы», «Туман», «Перевал», «На край света», «Сосны», «Новая дорога», «На хуторе» и др.), где автобиографемы-детали и эмоции уже не представлены в единой лирической стихии, а скреплены автобиографемой-топосом в определенную конфигурацию, что в конечном итоге приводит к формированию устойчивых автобиографем-концептов, «индикатором» которых становится, как правило, финал рассказа, – тех концептов, которые впоследствии составят основу мемориального орнамента «Жизни Арсеньева». Именно в этот период в творчестве Бунина происходит *первая мемориальная концептуализация*, связанная с двумя ключевыми автобиографическими претекстами – рассказами «Антоновские яблоки» и «У истока

дней». «Антоновские яблоки» приобретают в творчестве Бунина статус порождающего центона. Здесь впервые собраны воедино намеченные в раннем творчестве основные автобиографемы, которые потом «прорастут» в других текстах и заново, уже в новой конфигурации, будут «собраны» в «Жизни Арсеньева», и начинают кристаллизовываться основные константы бунинской поэтики, намечаются практически все основные темы, которые «прорастут» потом в его зрелой прозе – и в «Деревне», и в «Жизни Арсеньева», и в «Темных аллеях». Связь рассказа «У истока дней» с «Жизнью Арсеньева» очевидна и налицо очевидное мотивное сходство – присутствие в рассказе ключевых бунинских автобиографем разного уровня: здесь «проигрываются» два важнейших события «Жизни Арсеньева» (стадия зеркала и смерть сестры Нади), в ситуации первого воспоминания появляются герои, которые потом предстанут в «Жизни Арсеньева» (мать, нянька, домашний учитель, сестра Надя).

Кроме того, в рассказе решаются важные для автобиографического дискурса Бунина проблемы соотношения реальности и памяти (и соответственно, границ памяти) и возможность проникнуть сознанием в тайну прошлого бытия и смерти, а также возникают две важные мемориальные идентификации: «воспоминание – отражение» и «воспоминание – творчество». В рассказе воспроизводится некий феноменологический предэксперимент, цель которого в результате манипуляций героя с зеркалом – установить, существует ли реальность вне апперцепции или лишь благодаря интенциональности сознания она становится таковой. Эти зеркальные эксперименты утверждают очень важный для бунинской концепции памяти и реальности принцип: бессмысленно пытаться познать и разгадать тайну мира, тайну самого себя и тайну памяти – именно в принципиальной непостижимости и неинтерпретируемости и заключается ее высший смысл.

Следующий этап формирования бунинского автобиографического метатекста – сюжетная реализация, *нарративное развертывание ключевых автобиографем* в различных тематических группах бунинских произведений. Так, концепт древности/вечности реализуется в цикле путевых поэм «Тень птицы», где в полной мере проявляется бунинский дар постижения прошлого и ощущения своего кровного родства со Всебытием. Концепт «живая жизнь» находит отражение в рассказах «Господин из Сан-Франциско», «Легкое дыхание», «Чаша жизни», «Божье древо», где

представлена художественная модель органического самоценного существования, которая впоследствии будет воспринята героем «Жизни Арсеньева»: от «простых людей» в «Господине из Сан-Франциско» и «легкого дыхания» Оли Мещерской как органической составляющей жизненной стихии – до пародийных вариаций на эту тему в «жизненной философии» Горизонтова из «Чаша жизни». Событийная автобиографема любви реализуется уже в более поздних эмигрантских произведениях – «Митина любовь» и «Дело корнета Елагина», «деревенская» тема, намеченная в «Антоновских яблоках», как уже ранее упоминалось, нашла отражение в повести «Деревня» и т. д. *Вторая мемориальная концептуализация*, происходящая в автобиографическом метатексте Бунина на этом этапе, реализуется в повести «Суходол» и рассказе «Сны Чанга». «Суходол» реализует важнейший принцип бунинского автобиографического дискурса – *memini ergo sum* (в настоящем Суходол уже не существует, но он позиционируется как реальная данность, поскольку все герои помнят его и он определяет их судьбу и внутренний мир). Субъект мнемонической деятельности здесь не единичен, это полимемориальное пространство, где каждый суходолец ощущает над собой власть воспоминаний, и память предстает здесь как трансперсональная сущность, укорененная во Всебытии и одинаково проявляющаяся в каждом человеке. В «Суходоле» реализуется идентификация сон/воспоминание и реальность памяти утверждается как единственная и онтологически незыблемая достоверность. В рассказе «Сны Чанга» обрабатывается мнемоническая модель хронологического реверса, воспоминание утверждается как особое онейрическое состояние, задаются идентификации *воспоминание – сон*, *воспоминание – музыка*.

В начале эмигрантского периода творчества Бунина наступает следующий этап формирования автобиографического метатекста, когда нарративное развертывание как событийных, так и концептуальных автобиографем резко локализуется и достигает *высокой степени мемориальной концептуализации в небольших рассказах*, где формулируются идеи, важные и для бунинской концепции памяти, и для осознания его автобиографической стратегии письма. В рассказе «Надписи» (1924) утверждается мысль о письме, тексте как способе сохранить себя в мире. В рассказе «Книга» (1924) утверждается идея неразличимости жизни и творчества и осознается услов-

ность традиционного письма как неспособного передать всю сложность человеческой жизни. В рассказе «Музыка» (1924) определяется статус подлинно творческого субъекта, способного воплотить непостижимое в музыку, растворяясь в вечности Всебытия. Наконец, непосредственным автобиографическим претекстом «Жизни Арсеньева», самым близким по времени написания, является рассказ «Ночь», где представлен синтез всех важнейших бунинских автобиографем в «чисто бунинской» экзистенциальной ситуации: великий храм ночи, усыпанный галькой сад, бездонность неба, переполненная разноцветными звездами, бледное млечно-зеркальное море, тишина, бесконечное одиночество героя в полночном безмолвии, музыка колдовски звенящих мириад хрустальных источников. В рассказе производятся попытки определить границы собственного Я и границы памяти, утверждается власть Прапамяти, разрешается вопрос об идеальном типе Ното тетог и окончательно дискредитируется повествовательная дифференциация «текста памяти» за счет утверждения феноменологического характера памяти и статуса реальности как проекции сознания Ното тетог. Через два года – в романе «Жизнь Арсеньева» – память уже становится первичной априорной порождающей инстанцией.

Таким образом, в предшествующем «Жизни Арсеньева» бунинском творчестве представлен генезис его автобиографического метатекста, формирование модели автобиографической поэтики как на уровне семантического наполнения категории памяти, так и в плане принципов автобиографического письма. В этом смысле если понимать метатекст как текст «второго порядка», называющий и комментирующий приемы и смысл первичного текста, то, с одной стороны, автобиографический авантекст выполняет эту функцию по отношению к «Жизни Арсеньева», впрямую объясняя и комментируя те принципы, которые лежат в основе автобиографической поэтики романа, но, с другой стороны, и «Жизнь

Арсеньева» по отношению к предшествующему творчеству выполняет функции метатекста, задавая мемориальный ракурс его реинтерпретации. Сформировавшаяся в ранней лирике Бунина система автобиографем как дискретная множественность, мотивированная и соединенная воедино лишь предпочтениями лирического субъекта, сначала синтезируется в первичный «мемориальный орнамент» в «Антоновских яблоках», затем расходится, сюжетно развертывается, получает дополнительные ответвления, образует ряд устойчивых концептуальных сцеплений – и затем заново соединяется: сначала в рассказе «Ночь», в финале которого все стягивается в мемориальном фокусе, а через два года – в романе «Жизнь Арсеньева», в котором память уже становится первичной априорной порождающей инстанцией (заметим, что многие рассказы-миниатюры, создаваемые одновременно с «Жизнью Арсеньева» в 1927–1930-х гг. – «Ландо», «Обреченный дом», «Красные фонари», «Журавли», «Полдень», «Бродяга», «Канун», «Портрет» и особенно «Муравский шлях» – могут быть восприняты как интертекстуальное целое с романом и органично дополнить прозаические наброски в тетради героя «Алексей Арсеньев. Записи»). По сути, именно «Жизнь Арсеньева» становится высшей точкой автобиографического метатекста Бунина, поскольку окончательно синтезирует «жить» и «писать», транспонируя технологии автобиографического письма в единственный аутентичный материал – собственную авторскую биографию.

Библиографический список

1. Бунин, И. А. Собрание сочинений [Текст] : в 6 т. Т. 2 / Иван Бунин. – М.: Худож. лит., 1987.
2. Бунин, И. А. Собрание сочинений [Текст] : в 6 т. Т. 4 / Иван Бунин. – М.: Худож. лит., 1988.
3. Дмитриева, Е. В. Словарь [Текст] / Е. В. Дмитриева // Генетическая критика во Франции: Антология. – М., 1999. – С. 283–287.